

Ольга Миролва
(mirOlva)

ИГРЫ ЛЬВОВ. *Цена любви*

18+

Ольга Мирольва

Игры львов. Цена любви

«Автор»

2026

Мирольва О.

Игры львов. Цена любви / О. Мирольва — «Автор», 2026

Лев Горский привык жить по правилам: слово отца — закон, семья — крепость, а чувства — лишняя роскошь. Одна встреча в дождливом Сочи рушит эту систему координат. Алина Денисова должна была стать частью выгодной сделки, но вместо этого становится голосом правды, которую Лев столько лет не хотел слышать. Она видит в нём не наследника империи, а живого человека — и именно это пугает его больше всего. Между долгом и свободой, между привычным миром и внезапным притяжением он делает шаг в сторону собственной жизни. Но в мире, где каждый улыбается с расчётом, даже искренность — оружие. А прошлое, полное теней, не готово отпустить. Это история о выборе: быть чьимто продолжением или наконец стать собой. И о том, какую цену приходится платить за право быть живым. современный любовный роман / психологическая драма / криминальный роман, брак/сделка по расчёту, конфликт долга и чувств, тайны прошлого, напряжённая интрига

© Мирольва О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ИГРЫ ЛЬВОВ. ЦЕНА ЛЮБВИ	5
Глава 1. Тот, кто отдаёт приказы	6
Глава 2. Вино, вид и одна ошибка	13
Глава 3. Пыль на старых папках	17
Глава 4. Дюрсо. 1999	21
Глава 5. Там, где пахнет морем и предательством	24
Глава 6. Когда отец становится чужим	28
Глава 7. Тайна Дюрсо — первый намёк	35
Глава 8. Первый камень в крепость	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Игры львов. Цена любви

ИГРЫ ЛЬВОВ. ЦЕНА ЛЮБВИ

Ольга Мирольва

Лев однажды оказывается бронзой.

Вопрос в том, кто это поймет первым - он или его дети...

Молчание - это тоже преступление. Только приговор по нему выносит время...

Глава 1. Тот, кто отдаёт приказы

Дождь в Сочи не идёт — он висит. Мелкая, липкая взвесь, которая не падает, а проникает под воротник, под кожу, под череп. Ноябрь. Море серое, как остывший пепел, и пахнет не солью, а мокрым камышом и прелым инжиром — запах, который бывает только здесь, в городе, где зима никогда не приходит по-настоящему, но всегда стоит рядом и дышит в затылок.

Лев вышел из машины у ворот мажестинского особняка. Охранник кивнул без проверки — узнал. Ещё бы: младший Горский, фасад, который в Сочи работает лучше паспорта.

Дом он не любил. Много мрамора, мало тепла. Мать при жизни пыталась смягчить холодные стены шёлковыми подушками и живыми цветами. После её смерти подушки убрали, цветы выбросили — остался мрамор, хрусталь и запах отцовского табака, который пропитал стены кабинета и, казалось, никогда не выветрится.

Лев поднялся на крыльцо и на секунду замер. Кольнуло остро, под лопатку. Не мысль, не воспоминание — ощущение, что за ним смотрят.

Он обернулся. Улица пуста. Морось, мокрый асфальт. Чёрный внедорожник у старого кафе в трёх кварталах отсюда. Лев нахмурился: он не помнил, чтобы эта машина стояла здесь раньше. Но, может, просто не замечал.

В холле его встретил второй охранник — молодой, с бегающими глазами. Проводил взглядом, странным, будто хотел что-то сказать и не сказал. Только кивнул. Слишком быстро.

Лев поднялся в кабинет.

Борис Аркадьевич стоял у панорамного окна, спиной к нему. С этой высоты Чёрное море казалось нарисованным — ровная свинцовая полоса между двумя берегами.

— Пришёл? — голос отца прозвучал, когда Лев уже вошёл.

— Ты звал.

Борис Аркадьевич повернулся.

Ему было пятьдесят пять, но выглядел он моложе: подтянутый, собранный, седые волосы густые, взгляд — тяжёлый, как мокрая галька. Такие глаза не спрашивают — такие глаза ставят перед фактом.

На столе стояла бронзовая статуэтка льва, тяжёлая, с оскаленной пастью. Она смотрела на вход. Рядом — маленькая деталь, которую Лев заметил только сейчас: старая фотография. Мать. Молодая, смеётся. Отец её не убрал. Даже после того, как убрал всё остальное.

— Садись.

Лев сел. Не в кресло напротив — на низкий пуфик справа. Так было заведено с детства: ты не сидишь наравне, ты сидишь рядом, но ниже. Чтобы помнить.

— Как дела в офисе? — Борис Аркадьевич налил себе чай, Льву не предложил. — Управляющие говорят, ты вникаешь медленно.

— Я вникаю настолько, чтобы понимать, куда идут деньги, а не просто ставить подпись.

Отец усмехнулся — коротко, без тепла.

— Умный. Это хорошо. Но ум без доверия — как кинжал без руки. Бесполезен. — Глоток. — Я тебе доверяю, Лев. Ты знаешь?

— Да, отец.

Ответ сорвался раньше, чем он успел о нём подумать.

Борис Аркадьевич поставил стакан на столик из ореха.

— У меня для тебя дело. Ты слышал о компании «Морская звезда»?

— Слышал.

— Владелец, Ким Денисов, должен мне тридцать миллионов. Он не отдаст. Поэтому — альтернатива. — Он помолчал. — У него есть дочь.

Лев поднял глаза.

— Молодая. Двадцать три. Училась в Москве, потом в Лондоне. — Он говорил о ней так, будто перечислял характеристики яхты. — Ты женишься на ней. Долг списывается. Активы переходят в приданое. Все довольны.

Тишина повисла тяжёлая, как влажный воздух за окном.

— Ты хочешь, чтобы я женился на девушке, которую никогда не видел? — Лев старался говорить ровно.

— Я хочу, чтобы ты закрыл сделку, — поправил отец. — Брак — это договор. А договор — это слово. А слово Горских всегда было крепче бумаги. Ты дашь слово — и ты его сдержишь. Потому что иначе — не Горский.

Он подошёл ближе, положил ладонь на стол рядом со статуэткой.

— В этом мире, Лёва, есть те, кто нападает, и те, кто защищает своё. — Он слегка тронул бронзовую фигурку. — Горские всегда были вторыми.

Лев сжал челюсть так, что заныл зуб. Он знал это чувство — оно приходило всегда, когда отец говорил о наследии рода. Знал и ненавидел.

— А если я откажусь?

Борис Аркадьевич посмотрел на него так, будто оценивал не сына, а сотрудника.

— Тогда через месяц ты больше не работаешь в группе компаний Горских. — Он помолчал. — И совет директоров узнает, что наследник не способен принимать решения.

Лев знал, что отец может. И сделает.

— Познакомься с ней, — сказал Борис Аркадьевич уже мягче. — Просто познакомься. Ужин завтра в «Родине». Я всё устрою. Если не понравится — отступим. Но только после того, как ты согласишься ей в глаза.

Лев кивнул. Не потому, что согласился. Потому что выхода не было.

Он встал. И не удержался — посмотрел на фотографию матери. На секунду. Отец заметил. Ничего не сказал. Только чуть сдвинул бумаги — прикрыл снимок.

Лев вышел из кабинета.

В коридоре его снова остановил тот же охранник — молодой, с бегающими глазами. Шагнув навстречу, будто хотел что-то сказать, и в последний момент передумал. Только прошептал, едва слышно:

— Лев Борисович... будьте осторожны. Вас... — он запнулся, — вас спрашивали.

— Кто?

Охранник не ответил. Покачал головой и отступил в сторону.

Лев смотрел на него секунду. Потом вышел на улицу.

Дождь усилился. Чёрный внедорожник у кафе всё ещё стоял. Лев достал телефон, сделал вид, что набирает номер, и краем глаза посмотрел на машину.

Стекло опустилось.

Кто-то внутри — Лев не успел разглядеть лицо — смотрел прямо на него. Потом стекло поднялось, машина тронулась и медленно уехала в сторону Адлера.

Лев постоял ещё минуту. Потом сел в свою.

— Домой, — сказал он водителю.

Он достал телефон, нашёл профиль в ВК: Alina Denisova. Профиль закрыт — только одна открытая фотография: девушка стояла по колено в воде, держа в руках старую плёночную камеру. Ветер трепал волосы, лицо наполовину скрыто тенью.

Не дочь должника. Не приданое. Человек.

— Чёрт, — тихо сказал Лев.

Водитель промолчал. Он привык.

За окном проплывал вечерний Сочи — влажный асфальт, огни Адлера, пальмы, которые не знали зимы. Город, где старые дачи соседствовали с новыми стеклянными башнями, где истории девяностых жили бок о бок с яхт-клубами и элитными школами. Город, в котором всё переплетено: судьбы, деньги, страхи, амбиции.

Лев закрыл телефон.

Завтра. «Родина». Девушка с фотографии.

Он сжал телефон в руке и посмотрел в окно. За стеклом, в отражении, ему на миг почудилось лицо матери — она улыбалась ему, как тогда, на старой фотографии. Он только откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза, а машина бесшумно тронулась, унося его в сочинскую ночь.

Лев Горский

Алина Денисова

Борис Горский

Глава 2. Вино, вид и одна ошибка

Она пришла на двадцать минут раньше.

Лев отметил это краем глаза — он уже сидел в лобби «Родины», листал отчёт, который не имел значения, и заметил, как она появилась из дождя: тонкая, в бежевом пальто, с мокрыми волосами, собранными в низкий пучок. На запястье — тонкая красная нить. Простая, почти детская.

Острые скулы, тёмные глаза и выражение — будто она видит больше, чем положено. Или знает больше.

Она шла к его столику, и он успел забыть, зачем он здесь. Забыл про отца, про сделку, про тридцать миллионов. Видел только её — как свет от свечей падает на скулы, как её пальцы чуть касаются спинки стула, прежде чем она садится.

Она скинула пальто подошедшему официанту. Под ним — простое чёрное платье, без выреза, без блёсток. Но сидело оно так, что Лев непроизвольно выпрямился.

— Лев? — спросила она, подходя. Голос — низкий, с хрипотцой, будто она только что проснулась или плакала. — Я Алина. Ваш отец сказал, что вы будете в чёрном пиджаке.

— Мой отец любит давать инструкции, — сказал Лев, вставая.

И тут же мысленно выругал себя: не то. Не то надо говорить.

Но Алина дерзко улыбнулась. И он вдруг поймал себя на странном ощущении — будто уже видел эту улыбку. Давно. Не здесь.

— Ваш отец, — сказала она, усаживаясь напротив и беря меню, — никогда не говорит лишнего. Он всегда говорит ровно столько, сколько нужно, чтобы получить желаемое. Вы не находите?

Лев на мгновение замер. Обычно женщины с ним вели себя иначе. Кто-то кокетничал, кто-то лебезил, кто-то — редкие умницы — держали дистанцию с холодной вежливостью. Но Алина говорила так, будто они уже сто лет знакомы. Без надрыва. Без попытки понравиться.

— Нахожу, — ответил он. — Но сегодня я здесь не как агент моего отца. Я здесь как человек, который хочет познакомиться с женщиной, на которой ему предлагают жениться.

— Предлагают? — она подняла бровь. — А вы всегда делаете то, что предлагают?

Они смотрели друг на друга через узкий столик, на котором стояла ваза с одной розой. Красной. Клише, но Лев в этот момент почему-то не счёл это клише.

— Когда предлагает отец — да, — сказал он после паузы.

— И вы не задаёте вопросов?

— Задаю. Но ответы меня никогда не устраивают. Так что я перестал.

Алина медленно кивнула. Взяла меню, пробежала глазами, отложила.

— Я не буду выходить за вас замуж, — сказала она спокойно, как о погоде.

Она сказала это слишком быстро — будто заранее репетировала. И Лев уловил в её голосе не только твёрдость, но и что-то похожее на усталость. Или страх. Очень хорошо спрятанный.

— Даже если вы очень симпатичный. Даже если ваш отец обещал моему списать долги. Даже если весь Сочи скажет, что это выгодная партия.

— А что скажете вы?

— Я скажу, что я не приданое. Я не мешок с деньгами, который прилагается к фрахту. Я человек. И моё тело, моё время и моя жизнь не продаются.

Лев почувствовал странное облегчение. И одновременно — злость. На отца, который поставил его в идиотское положение. На себя, что согласился. На неё, что она такая... другая.

— Я не собираюсь вас покупать, — сказал он резче, чем хотел. — Мне нужна стабильность. Человек, который будет рядом. Без игр. Без интриг. Без попыток вмешиваться в дела, в которых нет смысла разбираться.

Он говорил это и сам чувствовал, как слова звучат фальшиво. Как будто он читал по бумажке, которую отец написал за него.

— Звучит как вакансия на должность живой интерьер, — Алина откинулась на спинку стула. — Нет, спасибо. Я лучше буду работать где угодно, чем стану чьей-то сделкой.

— Почему вы так говорите о моём отце?

— Потому что он — это его репутация. А репутация у него, простите, не из лучших.

Лев почувствовал, как кровь прилила к лицу. Челюсть свело так, что заныл зуб.

— Вы не знаете моего отца.

— Знаю достаточно. Мой отец проработал с ним десять лет. И чем это кончилось? — она горько усмехнулась. — Три четверти флота уплыли к вам. Остальное ржавеет в порту. Мой отец разорён. И теперь ваш папаша предлагает сделку: отдай дочь — спишем долги. Вы не видите в этом ничего унижительного?

Она не кричала. Говорила тихо. Но в этой тишине было больше яда, чем в любом крике.

Лев смотрел на неё и чувствовал, как его злость сталкивается с чем-то другим. С правдой. С той правдой, которую он всегда избегал.

— Я не просил об этой встрече, — наконец сказал он.

— А я тем более, — парировала Алина. — Но раз уж мы здесь... давайте просто поужинаем. Как два взрослых человека, которых свели обстоятельства. Без обязательств. Без обещаний. И после этого разойдёмся в разные стороны. Хорошо?

Лев кивнул, хотя внутри всё дрожало от невысказанных слов.

Поначалу она его раздражала. Слишком прямолинейная. Слишком уверенная. Слишком быстро ставила диагнозы. Он привык, что люди осторожничают, а она будто нарочно нажимала на больные места.

За ужином она рассказывала о Москве — не хвастаясь, а так, будто делилась воспоминаниями со старым другом. О том, как работала в галерее современного искусства на Винзаводе. О том, как однажды перепутала кредитную карту отца со своей и купила скульптуру из переработанного пластика за две тысячи фунтов — тогда ещё фунтов, в Лондоне. О том, как её выгнали с лекции по экономике за спор с профессором.

Лев слушал и не верил. Он ждал жертву. Плаксивую, загнанную. Вместо этого она спорила с ним так, будто ничего не боялась.

— А вы? — спросила она, когда официант унёс тарелки из-под барабульки. — Вы вообще хотите жениться?

— Честно? Нет.

— Тогда зачем?

— Потому что отец сказал, что пора.

Она рассмеялась — искренне, звонко, так, что пара за соседним столиком обернулась. И впервые за вечер он почувствовал, что улыбается в ответ.

— Вы же взрослый человек, Лев. И всё равно живёте по указке папы. Это не смешно. Это грустно.

— Вы ничего не понимаете, — сказал он, и в голосе проскользнула обида — мальчишеская, неуместная. — Он меня воспитал. Он сделал меня тем, кто я есть. Разве это не долг?

Алина посмотрела на него долгим взглядом. В её глазах он увидел нечто, от чего ему стало не по себе. Не жалость. Не осуждение. Понимание. Она знала, что такое чувствовать себя в клетке. Просто её клетка была другой.

— Не знаю. Мне кажется, однажды можно проснуться и понять, что всё решил кто-то другой. И тогда уже поздно.

Она сказала это не назидательно — скорее, спрашивая саму себя. И Лев вдруг подумал: «Может быть, сейчас ещё не поздно. Может быть, я могу решить сам».

Они расплатились — Лев настоял, хотя Алина протянула карту, — и вышли под дождь. Он вызвал машину. Она сказала, что доберётся сама.

— Алина, — позвал он, когда она уже сделала несколько шагов.

Она обернулась. Дождь стекал по её лицу, волосы разбились на мокрые пряди.

— Если вы передумаете... — начал он.

— Не передумаю, — перебила она. — Но спасибо за ужин. Вы не похожи на вашего отца. И это, знаете, пугает.

Он хотел спросить — почему. Но она уже отвернулась.

Она ушла, а Лев стоял под козырьком ресторана и смотрел ей вслед, пока её фигура не растворилась в сочинском дожде. Пахло прелой листвой и почему-то халвой с рынка.

Водитель ждал с открытой дверцей.

— Поехали, Борисыч? — спросил он осторожно.

— Поехали.

И только дома, в пустой спальне с видом на море, он лёг на кровать и впервые за много лет поймал себя на том, что думает не о словах отца, а о словах Алины.

Он уснул под утро. И ему снилась она — та самая, с мокрыми волосами и красной нитью на запястье.

Глава 3. Пыль на старых папках

Она позвонила сама. Через неделю.

Лев не понял, почему. После того ужина он был уверен, что она исчезнет навсегда. Но она позвонила — с незнакомого номера, вечером, когда он сидел с отчётами и пил виски в одиночестве. Он тогда не спал, перебирал в голове каждое её слово, каждое движение — как она поправляла волосы, как смотрела на него, как сказала: «Вы не похожи на вашего отца». И когда телефон зазвонил, он чуть не выронил стакан.

— Я не передумала насчёт замужества, — сказала она без предисловий. — Но... после того ужина я почему-то продолжала о вас думать. И это меня раздражает. Хотите погулять завтра в Олимпийском парке?

Он хотел. Сказал себе, что это просто любопытство. Что ему скучно. Что отец не узнает — а если узнает, то только одобрит.

Борис Аркадьевич действительно одобрил, когда Лев обмолвился за завтраком:

— Встречаюсь с девушкой. С той самой, дочерью Денисова.

— Серьёзно? — отец отложил ложку с овсянкой. — А она говорила, что не выйдет.

— Передумала, наверное.

— Женщины всегда передумывают, — усмехнулся Борис Аркадьевич. — Это их единственное постоянное качество.

Лев хотел сказать, что Алина не передумала, что речь не о браке. Но промолчал. И сам заметил, что промолчал. И сам удивился: почему?

Они встретились у фонтанов Олимпийского парка. Алина была в джинсах, свитере на два размера больше и кедах — совсем не похожа на девушку из дорогого ресторана. И от этой простоты у Льва что-то сжалось в груди.

— Я не люблю показное, — сказала она, поймав его взгляд. — Это моя настоящая я. Без макияжа и дорогих платьев. Если не нравится — скажите сразу, разбежимся, не мучаясь.

— Нравится, — сказал Лев и удивился собственной честности.

Они бродили по аллеям, заходили в сувенирные лавки, пили кофе в маленькой кофейне, где хозяин узнал Алину и назвал её «наша Аля». Она оказалась той, кто помнит, как кого зовут. Кто останавливается поговорить с уличным котом. Кто может на полчаса зависнуть у витрины букинистического магазина, разглядывая старые фотографии Сочи 1970-х.

— Смотрите, — сказала она, указывая на пожелтевшую карту. — Здесь ещё не было этих олимпийских монстров. Просто город. С пальмами, чайными плантациями и санаториями. Другой был.

— Люди всегда одинаковые, — возразил Лев. — Просто декорации меняются.

— Вы циник.

— Реалист.

— Это одно и то же, только реалисты хуже пахнут.

Она улыбнулась. И он снова почувствовал дежавю. Короткое, мимолётное.

— У вас такое лицо, будто вы здесь уже были, — сказала она.

— Я здесь не был.

— Я знаю. Но лицо — такое.

Он не ответил. Только посмотрел на неё — и на миг ему показалось, что он действительно уже стоял здесь. С ней. Давно. В другой жизни. Но он тут же отогнал эту мысль — глупость. Гормоны. Биология.

Они вышли из магазина, и она повела его вглубь старого Сочи — туда, где почти не ходят туристы. Где старые дачи цепляются друг за друга, где кошки спят на подоконниках, а бабушки в платках торгуют домашним вином из пластиковых бутылок.

— Вы знаете, — сказала Алина, когда они остановились у фонтана с чайкой на постаменте, — мой отец когда-то был богат. Очень. У нас был дом в Мацесте, недалеко от вашего. Я выросла среди мрамора и хрусталя, как и вы. А теперь мы живём в скромной квартире в Лазаревском.

— Мне жаль.

— Не надо. — Она резко повернулась к нему. — Я не ищу жалости. Я просто хочу, чтобы вы поняли: ваш отец не святой. У него есть враги. И у него есть... — она запнулась, — вещи, которые он скрывает.

— Какие вещи?

— Я не могу сказать. Не сейчас. Но когда-нибудь вы узнаете. И тогда вы посмотрите на него другими глазами.

Лев почувствовал, как внутри вскипает что-то горячее — быстрое, острое. Та же тошнота, что и в кабинете отца. Но в этот раз она смешалась с чем-то другим — с любопытством, с тревогой, с желанием понять, что она скрывает. И это желание было сильнее злости.

— Если вы пригласили меня только для того, чтобы поливать грязью моего отца, — начал он, но Алина перебила:

— Я пригласила вас не для этого.

Она отвела взгляд, будто подбирая слова.

— Просто... после того ужина я пыталась о вас не думать. И у меня плохо получилось. Это всё.

Это прозвучало не как признание — как раздражённое признание факта, который она сама не хотела принимать.

Гнев ушёл так же внезапно, как и пришёл. Осталась только растерянность.

— Алина...

— Не надо ничего говорить, — она подняла руку. — Я знаю, что мы не можем быть вместе. Вы наследник огромной империи. Я дочь разорённого партнёра, который ненавидит вашу семью. Нас ждёт либо скандал, либо ничего. Третьего не дано.

Она улыбнулась — грустно, почти обречённо — и пошла вперёд, не оборачиваясь.

Лев догнал её у следующего поворота. Схватил за руку — не больно, но крепко, так, чтобы она не вырвалась.

— Послушай, — сказал он, и сам не заметил, как перешёл на «ты». — Я не в курсе, что там у моего отца с твоим. Я не в курсе, правда ли то, что ты говоришь. Но я знаю одно: я хочу разобраться: в себе, в нём, в том, что происходит.

Алина молчала несколько секунд. Ветер тянул с моря, пахло йодом и мокрым гравием. Где-то вдалеке, в порту, гудел теплоход.

— Тогда пообещай, — сказала она наконец, и тоже на «ты». — Если увидишь что-то странное... не будешь отворачиваться.

Это было не требование. Не ультиматум. Просьба, такая тихая и настоящая.

— Обещаю, — сказал Лев. И сам удивился, как легко это слово сорвалось с губ.

Они больше не говорили о браке. Не говорили об отцах. Они просто гуляли до заката, иногда случайно касаясь друг друга локтями — и каждый раз оба делали вид, что не заметили.

Это было странно. Это было неправильно. Это было прекрасно.

А вечером, когда Лев вернулся домой и лёг в постель, он впервые за долгое время не пошёл к отцу с ежедневным докладом. Он просто лёг, смотрел в потолок и думал — о том, что сказала Алина, о её руке, которую он держал, о том, как она улыбалась у витрины букинистического магазина.

Потом встал и подошёл к шкафу, где хранились вещи матери. В старой картонной коробке, перевязанной бечёвкой, лежали письма, открытки, несколько блокнотов; он перебирал их наугад, пока пальцы не наткнулись на альбом с фотографиями.

Он листал страницы и вдруг замер.

На снимке — его мать, молодая, с распущенными волосами, стоит между двумя женщинами. Они обнимаются на фоне старого дома, окружённого виноградниками. Лев узнал мать, но две другие женщины были ему незнакомы. Одна из них — темноволосая, с тонким лицом — смотрела в камеру с вызовом. Так смотрят люди, которые знают, что их не сломать.

Что-то кольнуло под лопаткой. Остро. Как тогда, у ворот особняка.

Он перевернул снимок. На обороте — мелким, аккуратным почерком матери: «Дюрсо, 1999. Мы не знали, что наши мужья ненавидят друг друга. Как жаль, что мы узнали слишком поздно».

Лев смотрел на эти строки долго. Он не знал, кто эти женщины, но лицо одной из них — темноволосой — показалось ему смутно знакомым. Может быть, он видел её на старых фотографиях у отца. Может быть, она была чьей-то женой, чьей-то подругой.

А может быть, это просто игра света и воображения.

Он перечитал надпись ещё раз...Мы не знали, что наши мужья ненавидят друг друга.

Это звучало странно. Почти неправдоподобно — его отец всегда говорил о партнёрах с уважением, всегда подчёркивал важность деловых отношений.

Лев нахмурился. Что-то внутри него — не страх, не подозрение, а скорее лёгкое беспокойство — шевельнулось.

Он закрыл альбом и заметил, что в коробке осталось ещё что-то. Тонкая тетрадь в потёртой обложке. Он не стал её открывать — не сейчас. Убрал коробку обратно в шкаф и вернулся в постель.

Но заснуть не смог.

Глава 4. Дюрсо. 1999

Утро он встретил с открытыми глазами. Фотография из материнского альбома лежала на тумбочке — он вынул её вчера и не убрал обратно. Три женщины, виноградники, надпись, которая не давала покоя. Одна из них — темноволосая, с тонким лицом — смотрела с такой болью, что у него сжималось сердце.

Кто она? Откуда эта боль?

Он встал и подошёл к шкафу. Достал коробку — ту самую, что открывал вчера. На этот раз — за тем, что отложил... За тетрадью.

Он открыл её.

"1999 год, июль. Дюрсо.

Мы приехали сюда на выходные — Борис, я, Света с мужем Кимом Денисовым, и Лариса, сестра Светы. Дом стоит на склоне, среди виноградников. Отсюда видно море — далеко, тонкой серебряной полосой. Воздух такой прозрачный, что кажется, будто можно дотянуться рукой до неба.

Красиво. Слишком красиво для того, что должно было случиться."

Лев перевернул страницу — и тут же пожалел, что не остановился.

"Борис смотрел на Ларису так, как никогда не смотрел на меня. Я видела это, да и Света видела. Борис проявлял все время интерес к Ларе. Он шептал ей что-то, когда никто не слышал, трогал её руку, когда подавал стакан. Она отстранялась, но он не отступал. Лариса старалась не оставаться с ним наедине, но он все время находил моменты.

Я боялась. Я боялась за неё. Я боялась за себя. Я боялась за бусинку, которая уже жила во мне. И поэтому молчала. Борис просто закрыл мне рот, предупредив, если скажу хоть слово, он уничтожит меня...и её тоже. Я поверила. Я всегда ему верила. Какая я была дура."

Лев оторвался от страницы. Руки дрожали. Он не знал, что его отец мог быть таким — одержимым, опасным, готовым на угрозы.

Дальше было ещё страшнее.

"14 июля. Мы все собрались на море. Лариса сказала, что останется — у неё болела голова. По дороге Борис вдруг вспомнил, что забыл плавки, и велел водителю развернуться. Я хотела пойти с ним, но он сказал остаться в машине.

Он вернулся не скоро. Я ждала. Я тогда ещё верила. Я всегда ему верила, даже когда знала, что любовь моя — не взаимна, что он женился на мне ради земли, что он думает о другой. Я всё это знала. И всё равно ждала, надеялась. На что?

Когда Борис наконец вернулся, меня аж передернуло, что-то липкое обволакивало меня изнутри. Я подумала про беременность и ее симптомы.

Горский не поехал на пляж. Сказал, что останется в доме — поработает с бумагами. Мы уехали одни.

Когда мы вернулись с пляжа, застали картину, которую не забуду до самой смерти. Лариса сидела в углу террасы, обхватив колени руками. Она была бледной, как бумага, и на её губе запеклась кровь. Она смотрела в одну точку и не говорила ни слова. Борис стоял на крыльце и улыбался.

Я молча прошла на кухню, сердце барабанило, руки дрожали. В доме была мертвая тишина, все молчали. Я даже потом никому не говорила, только пьяной сболтнула Зинаиде. Мы не поднимали эту тему: ни я, ни Света, ни Ким, ни тем более, Лара.

Да это было неважно. Все тогда все сразу поняли. Света видела губу. Ким видел глаза и эту страшную улыбку, не улыбку, а оскал. Божже, как же больно все это опять ворошить!

Мы все сидели за одним столом в тот вечер, и все молчали. Потому что каждому было что терять. Света боялась за сестру. Ким боялся за Свету...и за меня. Он любил меня со школы. Все эти годы. Я знала. И он знал, что я знаю. И ничего не мог сделать — потому что я была женой Бориса, а он был мужем Светы. И оба мы были заложниками этой семьи и бизнеса.

Через несколько месяцев Лариса исчезла. Борис сказал, что она уехала в Израиль. Потом — что погибла в аварии. Тело обгорело, опознать невозможно, хоронили в закрытом гробу. Похороны. Я была там. Я видела этот гроб. Я не знаю, что в нём было: может, Лара, а может, ничего. Только мои догадки. Борис...его связи, его возможности навевали страх. Я боялась, что если скажу хоть слово, только намекну — он сделает то же самое со мной.

Я не знала тогда, что это только начало. Что я буду молчать об этом до самой своей смерти. Что я буду носить это в себе двадцать лет. И, надеюсь, однажды мой сын найдёт эту тетрадь."

Лев закрыл тетрадь. Он сидел неподвижно, глядя на стену, и не мог дышать. За окном шумело море — такое же, как в том, 1999 году, такое же равнодушное.

Осознание было страшным: его отец не просто разрушал бизнес, он разрушал жизни. Он взял силой женщину, которая не хотела его. Он убрал её со своего пути за ненужность. И мать... Мать знала это и молчала... умерла, унося эту тяжесть.

Лев подошёл к окну и распахнул его настежь — влажный ночной воздух ударил в лицо, и стало легче дышать. Но мысли не уходили. Перед глазами стояла та терраса, тот дом, та женщина, которая сидела в углу с разбитой губой.

И впервые за всю его жизнь вера в отца дала трещину — маленькую, тонкую, но такую, которую уже нельзя было заделать.

Он перечитал последние строки. Мать писала это позже — не в тот вечер, когда всё случилось. Она писала как раз после похорон Ларисы. Ее мучили вопросы и угрызения совести.

Он достал телефон и написал Алине: «Мне нужно тебя увидеть. Завтра».

Ответ пришёл через минуту: «Что случилось?»

Лев долго смотрел на экран. Потом набрал: «Расскажу при встрече».

Он отложил телефон и посмотрел на море. Город спал. Только огни Адлера мерцали вдалеке, как напоминание о том, что жизнь продолжается — даже когда всё, что ты знал о своей семье, вдруг рассыпается в прах.

Глава 5. Там, где пахнет морем и предательством

Следующие две недели их встречи были похожи на явки и пароли. Лев отключал второй телефон — тот, который знала только Зинаида Павловна, его секретарша с сорокалетним стажем, работавшая ещё на отца, — и уезжал в Лазаревское.

Лазаревское — это не Мацеста и не Роза Хутор. Там нет стеклянных башен и яхт с вертолётными площадками. Там пахнет шаурмой, мокрой хвоей и какой-то особенной, дешёвой романтикой. Лев парковал «Майбах» в трёх кварталах от её дома и шёл пешком — в джинсах, в кедах, без охраны. Как простой смертный.

Иногда он ловил себя на мысли, что именно здесь, среди облупленных стен и дешёвых киосков, он впервые чувствует себя ни наследником, ни Горским, а просто человеком. Без маски, которую отец называл породой.

Алина ждала его у подъезда хрущёвки, где жил её отец с тех пор, как от бывшего богатства остались только имя на вывеске да недопитая бутылка коньяка в буфете.

— Ты опять пришёл с пустыми руками, — сказала она, когда он поравнялся с ней. В голосе — ни упрёка, ни кокетства. Констатация.

— У тебя всё есть.

— У меня нет ничего, кроме отца-алкоголика и дырявых джинсов. — Она улыбнулась, но глаза оставались серьёзными. — И тебя. Тоже как бы нет.

Они гуляли по набережной Лазаревского — бетонной, местами облупившейся, с вялыми пальмами, посаженными ещё при Брежневле. Редкие ноябрьские курортники кутались в куртки, продавцы чурчхелы сворачивали торговлю до весны.

— Ты говорила, что твой отец... — Лев запнулся, подбирая слова. — Что он разорён не случайно.

— Я говорила, что он разорён твоим отцом. — Алина смотрела на море. Вода была тёмной, почти чёрной, с белыми барашками. — Конкретно. Целенаправленно. С расчётом и прицелом.

Она помолчала. Её пальцы сжались на перилах — не от холода, от воспоминаний. Когда она заговорила снова, голос был ровным, но в нём слышалась та самая тихая сталь, которую он уже начал узнавать.

— Моя мать умерла через год после того, как всё рухнуло. Её убил не рак. Её убило напряжение. Она сидела ночами с бумагами, пыталась спасти то, что уже нельзя было спасти. А потом... — Алина сглотнула, и Лев увидел, как дрогнули её скулы. — Потом твой отец пришёл на её похороны.

Лев замер.

— Он пришёл не прощаться. Он пришёл сказать моему отцу, что забирает остатки бизнеса. У гроба. При всех. Он стоял в чёрном костюме, держал в руках цветы, которые так и не положил на гроб, и говорил о том, что сделка закрыта. А мой отец стоял рядом с маминым телом и не мог вымолвить ни слова. Он просто смотрел на него. И я смотрела. И я запомнила это лицо. Навсегда.

Лев слушал и молчал. Он знал больше, чем она. Знал из дневника. Про Дюрсо. Про то, что случилось с Ларисой. Про то, что её мать знала и молчала... и умерла с этим.

Он хотел все рассказать, прямо сейчас. Но не сказал. Потому что не знал, как. И потому что боялся: если скажет — она возненавидит не только его отца, но и свою мать, и его за то, что он молчал.

— Моя мать не просила меня мстить, — сказала Алина тихо. — Она просила меня жить. Но я не знаю, как жить, когда внутри — одна пустота. Ты понимаешь?

Он не знал, что ответить. Потому что он знал эту пустоту. Она была в нём с детства — просто он привык заполнять её отцовскими инструкциями и рабочими отчётами.

— Ты уверена? Не просто... бизнес есть бизнес?

— Бизнес есть бизнес, — повторила она. — Знаешь, Лев, когда один бизнесмен обходит другого — это норма. Когда он подставляет ему подножку — это уже свинство. А когда он подделывает контракты, подкупает арбитраж и на похоронах жены приносит не цветы, а договор купли-продажи — это называется по-другому. Это называется война на уничтожение.

Она сказала это почти буднично, но в её голосе была такая тихая ярость, что Лев понял: она видела это своими глазами. И носила эту картину в себе, как занозу, которую нельзя вытащить, потому что она ужерослась с кожей.

— Твой отец, — продолжала Алина, — не просто забрал у моего отца бизнес. Он забрал у него веру в людей. Мой отец после той сделки не мог смотреть на себя в зеркало. Он продал дочь, Лев. Не в прямом смысле, но... — она замолчала, сглотнула. — Борис Аркадьевич поставил его перед выбором: подпишешь — вывезу твои долги, нет — пойдёшь по этапу. А вариант отказаться и сохранить лицо даже не рассматривался.

— Откуда ты знаешь про этап?

— От человека, который готовил документы. Его звали Игорь Сергеевич. Он работал главным юристом у вашей компании десять лет. А потом исчез. Уволился. Говорят, уехал в Анапу. Или в Геленджик. Или в Турцию.

— Откуда ты его знаешь?

— Мне рассказал один из бывших сотрудников отца. Он не хотел называть имя. Но назвал.

Лев нахмурился. Имя Игоря Сергеевича он слышал впервые. И это было странно — он знал почти всех ключевых сотрудников отца. Но этого человека не было ни в списках, ни в памяти.

— Почему ты мне не сказала раньше?

— Потому что ты был слепой, — Алина повернулась к нему. В её глазах блеснуло что-то — не слёзы, скорее сталь. — Потому что неделю назад ты бы мне не поверил. А сейчас?

Лев молчал. Он думал о папке в своём сейфе. О письме, которое он так и не перечитал до конца. О странном звонке от человека, который назвался «старый знакомый Бориса Аркадьевича» и бросил трубку, как только Лев спросил, кто это.

— Я проверю, — сказал он наконец.

— Проверь. Но будь осторожен. Твой отец... — она понизила голос, — он знает всё. У него уши везде. Даже у меня, наверное, уже есть хвост.

Лев оглянулся по сторонам. Пустая набережная, чайки, пьяный мужик на лавке. Но внутри кольнуло: она права. Отец никогда не отпускал его просто так. Все эти годы свобода была иллюзией.

Дождь начался неожиданно. Ещё минуту назад море лежало спокойное, серое, словно прислушивалось к их разговору, а потом небо разом провалилось вниз тяжёлыми тёплыми струями.

— Чёрт, — засмеялась Алина, прикрывая голову ладонью.

До остановки они добежали уже насквозь мокрые. Под старым навесом пахло ржавчиной и мокрым деревом. Вода стекала с крыши плотной прозрачной стеной, отрезая их от остального мира.

Алина обняла себя за плечи. Лев заметил это сразу. Не потому, что дрожь была сильной. Наоборот. Она слишком старательно делала вид, что ей не холодно.

Он смотрел на неё — на мокрые пряди волос, на капли воды на её ресницах, на то, как она кусала губу, чтобы не стучать зубами. И в нём, в этом самом защищённом и холодном человеке, которого вырастил Борис Горский, вдруг проснулось что-то тёплое, почти забытое. Желание защитить. Не как наследник — как мужчина.

Он молча снял пиджак.

— Не надо.

— Надо.

— Лев...

— Алина.

Алина глянула на него то ли с раздражением, то ли с благодарностью, сама, казалось, не понимая, то чувствует. Потом всё-таки позволила набросить себе пиджак на плечи, который оказался тяжёлым и неожиданно тёплым.

Его пальцы задержались на её плече на секунду дольше, чем нужно.

Их взгляды встретились, но несмотря на дождь и ветер с моря, никто не отвел глаз и не проронил ни слова.

Он убрал руку — медленно, будто сожалел. Она выдохнула так же медленно. И оба сделали вид, что ничего не случилось.

Но что-то екнуло внутри, такое теплое. И они это чувствовали.

Алина подтянула рукава почти до самых пальцев и отвернулась к морю.

Лев стоял рядом, чувствуя, как её плечо почти касается его руки. Слышал её дыхание — ровное, но чуть учащённое. Видел, как она смотрит на серую воду, на белые барашки, на чашек, которые кружили над берегом в поисках укрытия.

И вдруг понял, что ему опасно стоять так близко. Не потому, что она могла что-то сделать. А потому, что он сам мог сделать что-то, чего уже нельзя будет остановить. И он был рад, что она отвернулась. Что не видит его смятаения. Что смотрит на море, а не на него.

Так не хотелось, чтобы этот дождь заканчивался. Ведь, когда он прекратится, они пойдут в разные стороны.

— Ты знаешь, что самое смешное? — сказала она вдруг, не поворачиваясь. — Когда мама была жива, я думала, что жизнь — это выбор. Что если я захочу, я смогу всё изменить. А теперь я понимаю: иногда жизнь — это просто дождь. Идёт себе, идёт, и ты стоишь под ним, и не можешь уйти, потому что некуда. И просто ждёшь.

Он хотел ответить, но слова не находились. Так было всегда — не потому что их не было, а потому что он не знал, как их вытащить наружу.

А дождь всё не прекращался.

Поздно вечером, когда Лев вернулся домой, он заметил, что у ворот особняка стоит незнакомая машина. Тёмная. С тонированными стёклами. Мотор работал. Он не придал значения. Мало ли, кто приехал к отцу. Но когда он поднялся в свою квартиру и выглянул в окно, машина всё ещё стояла. И из неё никто не выходил.

Лев задёрнул штору. Устроившись в кресле, вспомнил сегодняшний вечер. Внутри что-то кольнуло. Что? Он не знал, что это. Но он запомнил ощущение.

Пахло морем, которого он раньше не замечал.

Глава 6. Когда отец становится чужим

Особняк в Маесте встретил Льва непривычной тишиной. Обычно дом жил своим размеренным ритмом — шаги охраны, голоса сотрудников, негромкие разговоры в коридорах, — а сегодня не было ничего, и тишина стояла такая, что слышно было, как тикают часы в гостиной.

Лев прошёл в гостиную.

Борис Аркадьевич сидел в кресле у камина, не разжигая огня, и смотрел не на сына, а на стеклянную поверхность стола перед собой, словно пытаясь увидеть в ней ответы.

— Садись, — сказал он.

Лев сел. На этот раз не на привычный низкий пуфик, а в кресло напротив — маленький жест, но для них почти вызов.

Отец заметил, и губы его дрогнули — в этом движении было не то раздражение, не то удивление.

— Ты встречаешься с дочерью Денисова, — произнёс он ровно. — И скрывал это. Я не хочу, чтобы ты лез в разборки по этому делу, я не хочу ее видеть ни в каком качестве. Я передумал. Взыщу долг по-другому.

— Я не скрывал. Я просто... не говорил. Как взыщешь? Продашь его душу на аукционе? Горский старший побагровел.

— Ты меня услышал.

Лев сжал пальцы. Он понимал, что разговор будет тяжёлым, но не думал, что настолько.

— Мы просто гуляем, — сказал он. — Разговариваем.

— О том, какой я плохой?

Лев промолчал, и это молчание говорило громче любых слов.

Борис Аркадьевич поднялся и подошёл к окну — старый приём, говорить не глядя в глаза. Раньше это всегда работало, а сегодня — нет.

— Всё, что я делал, — делал для семьи, — сказал он. — Для тебя.

— Даже то, что случилось с Денисовым? — спросил Лев.

Отец резко повернулся.

— Кто тебе это сказал?

— Это важно?

— Важно. Потому что люди любят придумывать истории. Особенно те, кто завидует.

Лев смотрел на него долго. Он впервые видел в отце не силу, а что-то другое — тень, усталость и ещё страх потерять контроль.

— Я хочу проверить документы, — сказал Лев. — Независимо.

— Проверить? — отец усмехнулся коротко, почти беззвучно. — Ты мне не доверяешь?

— Я хочу знать правду.

— Правда проста. — Борис Аркадьевич снова сел. — Денисов сам подписал всё, что подписал. Никто его не заставлял. Он сделал выбор. А теперь его дочь использует тебя.

Лев поднял взгляд.

— Не смей говорить о ней так.

Эти слова прозвучали неожиданно твёрдо — даже для него самого. Отец замолчал, потому что не ожидал сопротивления. Не от Льва.

— Ты забываешься, — сказал он наконец. — Всё, что у тебя есть, — моё. Имя, положение, возможности. Я дал тебе всё.

— И могу потерять всё, если не соглашусь? — спросил Лев.

Ответа не последовало, но тишина была красноречивее слов.

Лев встал. Он чувствовал, как внутри всё дрожит — не от страха, а от того, что делает шаг, которого никогда не делал.

— Я всё равно проверю, — сказал он. — Потому что хочу знать, что было на самом деле. Ты же сам желал союза с семейством Денисова.

Он вышел из гостиной, закрыв за собой дверь, и только в коридоре понял, что впервые в жизни сказал отцу нет.

Через два дня ему позвонили с незнакомого номера.

— Лев Борисович? — голос был осторожным, будто человек проверял, не слушает ли кто-то ещё. — Меня зовут Игорь Сергеевич. Я раньше работал с документами, которые вас интересуют.

Лев замер.

— Вы можете рассказать? — спросил он, стараясь говорить спокойно.

— Могу, но не по телефону и не здесь. Встретимся завтра в Геленджике. И, пожалуйста, никому не говорите.

— Почему?

На том конце повисла короткая пауза.

— Потому что некоторые люди не любят, когда прошлое всплывает. И я хочу остаться живым. Хотя бы ещё немного.

Связь оборвалась. Лев долго смотрел на экран телефона, будто пытаясь понять, что именно сейчас произошло, а потом медленно выдохнул и подошёл к окну. Море за стеклом было спокойным, ровным, почти безмятежным, и от этого казалось ещё более обманчивым.

Он чувствовал, что делает шаг в сторону, откуда уже не вернуться.

Кафе в Геленджике оказалось почти пустым — только несколько столиков у окна и мягкий гул кондиционера. Лев пришёл раньше назначенного времени и успел пересмотреть меню три раза, хотя ничего не собирался заказывать, потому что просто не знал, куда девать руки.

Игорь Сергеевич появился тихо, будто старался не привлекать внимания: невысокий, седой, с усталым взглядом человека, который слишком долго жил настороже. Он оглядел зал, убедился, что никто не смотрит, и только потом подошёл к Льву.

— Спасибо, что пришли, — сказал он, садясь напротив. — Я долго думал, стоит ли говорить.

— Я слушаю, — ответил Лев.

Юрист вытащил папку, и Лев взял её, и пальцы дрогнули — он надеялся, что Игорь этого не заметил.

— Здесь часть, — сказал юрист. — Не всё. Только то, что я могу показать сейчас. Давление на Денисова было, но это только верхушка. Есть документы, которые объясняют гораздо больше. И люди, которые не хотели бы, чтобы они всплыли.

— Где они?

— В надёжном месте. Но я не могу отдать их вам. Пока.

Лев поднял взгляд.

— Почему?

Игорь Сергеевич посмотрел на него долго, внимательно, будто пытаясь разглядеть что-то за словами.

— Потому что я должен понять, кто вы. Сын своего отца или человек, который действительно хочет знать правду.

Лев сжал папку сильнее.

— Я хочу знать.

Юрист кивнул, будто именно этого ответа и ждал.

— Тогда ищите дальше. Это только начало.

Он уже собирался подняться, но вдруг остановился, словно вспомнил что-то важное, и голос его стал тише.

— И ещё. Если решите идти до конца, будьте осторожны и никому не доверяйте слишком быстро. Даже тем, кого любите.

Эта фраза прозвучала не как совет, а как предупреждение.

Игорь Сергеевич поднялся и ушёл, оглядываясь на каждый шаг, будто за ним мог следить кто угодно. Лев остался сидеть, глядя на папку, которая теперь казалась тяжелее, чем была на самом деле.

Поздно вечером Лев вернулся домой. Коридоры были полутёмными, как будто дом тоже устал от всего, что происходило. Он поднялся к себе, закрыл дверь и только тогда позволил себе выдохнуть.

Папку он спрятал в сейф, туда, где хранил самые важные вещи. Руки всё ещё дрожали, но не от страха, а от того, что теперь он знал больше, чем хотел, и меньше, чем нужно.

Он сел на край кровати, открыл телефон и долго смотрел на экран, прежде чем нажать вызов. Алина ответила почти сразу.

— Лев?

Голос у неё был тихий, будто она тоже ждала этого звонка.

— Ты была права, — сказал он. — Но это только часть. Есть ещё что-то, и я должен это найти.

На том конце повисла короткая пауза.

— Ты веришь мне теперь?

— Верю, — сказал он. — Но хочу верить фактам...и себе.

Она тихо рассмеялась — впервые за долгое время, и смех был усталым, но тёплым.

— Ну что ж, Лев. Добро пожаловать в реальность.

Он улыбнулся — горько, но честно.

После разговора он ещё несколько секунд смотрел на экран телефона. Связь давно оборвалась, но ему казалось, что голос Алины всё ещё звучит где-то рядом. За окном шумело ночное море, обманчиво спокойное.

Он поднялся с кровати, подошёл к окну и вдруг понял, что не хочет оставаться один — не сегодня, тем более не после всего, что услышал. Телефон оказался в руке раньше, чем он успел обдумать решение.

— Не спишь? — спросил он, когда она ответила.

На том конце послышался лёгкий смешок.

— Судя по тому, что я разговариваю с тобой, очевидно, не сплю.

— Я могу приехать?

Молчание длилось всего несколько секунд.

— Приезжай.

Дорога до Лазаревского заняла меньше времени, чем обычно. Ночью машин почти не было, и город становился другим — без туристов, без пробок, без привычной дневной суеты. Только редкие фонари, запах моря из открытого окна и собственные мысли, от которых было некуда деться.

Когда Алина открыла дверь, Лев на мгновение забыл, зачем приехал. На ней были старые домашние шорты и свободная футболка, влажные волосы падали на плечи. Без макияжа она выглядела моложе и почему-то ещё красивее — не как женщина из его фантазий, а как женщина из его жизни.

— Что? — спросила она, заметив его взгляд.

— Ничего.

— Врёшь.

— Немного.

Она закатила глаза и посторонилась.

— Заходи.

Квартира встретила запахом мяты и выпечки, где-то на кухне тихо работал электрический чайник. Лев снял куртку и вдруг почувствовал странное облегчение — словно пересёк невидимую границу между двумя мирами. Там остались папки, документы, отец, ложь, а здесь была только Алина.

Она поставила перед ним большую кружку.

— Чай.

— Спасибо.

— И не смотри так.

— Как?

— Будто собираешься сказать что-нибудь серьёзное.

Лев усмехнулся.

— А если собираюсь?

— Тогда сначала выпей чай.

Он сделал глоток. Обычный чай с лимоном, но почему-то именно сейчас этот вкус показался самым правильным на свете. Они устроились на диване — плечом к плечу, не касаясь друг друга, и всё же слишком близко. За окном проехал последний поезд, стёкла едва заметно дрогнули.

Алина поджала под себя ноги и повернулась к нему.

— Страшно?

Он долго молчал. С отцом он никогда не говорил о страхе — в их семье таких слов просто не существовало.

— Да.

Она кивнула, без удивления и без жалости, словно именно этого ответа и ждала услышать.

— Мне тоже.

Лев посмотрел на неё и вдруг понял, насколько устала эта сильная девочка. Сколько лет она жила рядом с бедой, сколько лет училась держать удар. Ему захотелось коснуться её щеки, убрать за ухо выбившуюся прядь волос, просто убедиться, что она настоящая, живая и рядом. Но он не сделал этого, только смотрел. А она смотрела в ответ — тихо, внимательно, и от этого взгляда становилось трудно дышать. Слишком много было сказано между ними без единого слова. Слишком мало оставалось расстояния.

Первой отвела глаза Алина и улыбнулась уголком губ.

— Знаешь, что самое ужасное?

— Что?

— Я начинаю привыкать к тому, что ты приезжаешь.

Лев почувствовал, как внутри что-то дрогнуло, почти незаметно. Но именно в этот момент он понял: дело давно уже не в документах, не в Денисове, не в войне с отцом. Он приехал сюда потому, что ему было нужно её увидеть. Просто увидеть, убедиться, что она есть, что этот маленький свет в его всё более тёмной жизни ещё не погас. И именно это пугало его сильнее всего.

Вернувшись домой, он ещё долго не мог уснуть. Дом казался слишком большим, слишком пустым и слишком чужим. Завтра его ждал новый разговор с отцом, и он не знал, чем он закончится, не знал, что скажет, не знал, что услышит.

Но одно он понял точно: поезд уже тронулся, и остановить его было невозможно.

--

Глава 7. Тайна Дюрсо — первый намёк

Лев вернулся в свою квартиру только к утру. Не спал — сидел на кухне, пил холодный чай и смотрел в одну точку. Дневник матери лежал перед ним, тонкая тетрадь, которая перевернула всё.

Он не понимал, что с этим делать. Пойти к отцу? Спросить? Но что он спросит? Как он задаст вопрос, на который уже знает ответ? И что потом? Отец либо соврёт, либо скажет правду, и то, и другое будет одинаково ужасным.

Он позвонил Зинаиде Павловне. Она ответила почти сразу, будто ждала.

— Лев Борисович?

— Зинаида Павловна, мне нужно с вами поговорить. Не по телефону.

Пауза. Долгая. Слишком долгая.

— Я так и думала, что вы позвоните, — сказала она наконец. — Приезжайте. Я живу на Курортном. Дом семнадцать, квартира четыре.

Она открыла дверь почти сразу, как будто стояла за ней. На ней был домашний халат, на ногах — тапочки. Лев никогда не видел её такой. Всегда строгая, подтянутая, в костюме и с идеальной укладкой, а сейчас — просто старая женщина с усталыми глазами.

— Проходите. — Она отступила в сторону. — Чай будете?

— Нет. Спасибо.

Они сели на кухне. Зинаида Павловна налила себе чай, но не пила, просто держала чашку в руках, будто грелась.

— Вы нашли дневник, — сказала она. Не вопрос.

— Как вы узнали?

— Я знала, что он есть. Ваша мать показывала его мне. Однажды. Плакала, говорила, что не может больше молчать, но и сказать не может. Я тогда не поняла. Я думала, что это просто женские слёзы. Теперь понимаю.

Лев смотрел на неё. Впервые за всё время он видел в ней не секретаршу, не тень отца, а живого человека — женщину, которая всю жизнь носила чужие секреты, как тяжёлые чемоданы без ручек.

— Зинаида Павловна, я хочу знать всё. Про Дюрсо, про Ларису, про то, что случилось.

Она вздохнула. Долго. Тяжело.

— Я не знаю всего. Я знаю только то, что слышала и видела. Ваш отец был одержим Ларисой. Это было не чувство, это была болезнь. Он не мог смотреть на неё спокойно, не мог думать ни о чём другом. Ваша мать страдала, но молчала, потому что боялась его. И потому что знала: если она скажет хоть слово, он уничтожит и её, и Ларису.

— Что произошло в Дюрсо?

Зинаида Павловна отставила чашку, и её руки дрожали.

— Я не была там. Но я знаю, что после той поездки Лариса уехала. Исчезла. Ваш отец сказал, что она уехала в Израиль. Потом — что погибла в аварии. Тело обгорело, опознать было невозможно, похоронили в закрытом гробу. Ваша мать была на похоронах. Она вернулась оттуда другой. Я видела её глаза. В них что-то умерло.

— Вы знаете, что он сделал с ней?

— Я знаю, что он сделал с ней в том доме. — Она подняла на него глаза, и в них стояли слёзы. — Я знаю, потому что ваша мать сказала мне. Однажды. Ночью. Пьяная. Она сказала, что он взял её силой. Он сломал её. А потом убил. И я молчала. Я молчала, потому что боялась.

Лев закрыл глаза, чувствуя, как внутри что-то рвётся — медленно, с болью.

— Почему вы не сказали раньше? — спросил он. — Почему не пошли в полицию?

— Потому что полиция — это тоже он. Потому что суды — это тоже он. Потому что весь Сочи — это он. Я была никем. Я была старой секретаршей, которая ничего не значит. Кто бы мне поверил?

— А сейчас?

Она посмотрела на него долгим взглядом.

— Сейчас у меня есть вы.

Лев молчал, смотрел в стол, потом сказал:

— Я хочу уничтожить его.

— Я знаю.

— Вы можете?

Зинаида Павловна встала, подошла к шкафу, открыла дверцу и достала папку — старую, потрёпанную, с загнутыми уголками.

— Здесь всё, что я собирала двадцать лет. Фотографии, письма, копии документов, имена, даты. Я не знала, зачем это храню. Теперь знаю.

Она положила папку на стол.

— Возьмите и идите до конца. Ради вашей матери, ради Ларисы, ради той девушки, которая вам небезразлична.

Лев взял папку. Она была тяжёлой — тяжелее, чем должна быть. Он прижал её к груди.

— Спасибо.

— Не благодарите. Просто доведите это до конца. Я хочу увидеть, как он падает. Хотя бы раз в жизни.

Лев вышел от неё с папкой в руках, сел в машину и открыл её. Начал листать — даты, имена, суммы. Всё сходилось, всё выглядело логично, но что-то царапало, что-то было не так, и он не мог понять что.

Потом он нашёл это. Один документ — акт сверки, подписанный Кимом Денисовым. Дата — март 2018 года. Но подпись стояла другая, не Кима. Льву потребовалось несколько секунд, чтобы понять: он видел этот почерк раньше. На других документах, в других папках. Это был почерк его отца.

Он перечитал акт трижды, потом отложил папку и посмотрел на неё долго, внимательно.

«А что, если это ловушка? — подумал он. — Что, если отец знал, что он придёт к Зинаиде? Что, если он подложил эти документы специально, чтобы сбить его с толку? Чтобы он поверил в одну версию и не увидел другую?»

Он не мог этого знать, но теперь у сомнения был вес — конкретный, проверяемый. И это меняло всё.

Глава 8. Первый камень в крепость

На следующее утро Лев не пошёл к отцу.

Это решение не было спонтанным. Оно росло в нем, как трещина: по часам, расширяясь в разговорах и размышлениях, углубляясь к ночи. Впервые за много лет он пропустил традиционный завтрак в Мацесте. Вчера эта рутина была цепью - свинцово-тяжелой, без единого слабого звена. Сегодня он решил ее разорвать.

Он сидел в своём кабинете, перебирал бумаги из папки Зинаиды, и пил чёрный кофе без сахара — горький, как мысли. Кофе остывал быстро, но он всё равно делал глоток за глотком, будто пытался удержаться за что-то привычное.

В дверь осторожно постучали. Зинаида Павловна заглянула, как человек, который заранее понимает, что несёт плохие новости.

— Лев Борисович, ваш отец звонил. Спрашивал, почему вы не приехали.

— Что вы ему сказали?

— Сказала, что вы заняты. Важный звонок из Москвы.

— Спасибо.

Она не ушла, стояла на пороге, будто собираясь с духом. Ей было под шестьдесят, строгие костюмы и тонкая оправка очков делали её похожей на человека, который держит мир в порядке, пока другие его ломают, но сегодня она выглядела особенно уставшей.

— Лев Борисович... — сказала она тихо, прикрыв дверь. — Я хочу вас предупредить. Ваш отец вчера вызывал частного детектива. Из Ростова. Человек с жёсткими методами.

Лев поднял голову.

— Откуда вы знаете?

— Я снимала копию чека. — Она вздохнула, будто сбрасывая груз, который несла слишком долго. — Я много лет молчала, но сейчас, кажется, пора выбирать сторону. И я выбираю вашу. Потому что вы никогда не были жестоким. А он был. Всегда.

Эти слова прозвучали не как обвинение, а как приговор, вынесенный временем.

— Что ещё вы знаете?

Зинаида Павловна невесело улыбнулась — улыбкой человека, который видел слишком много, чтобы верить в случайности.

— Я знаю про Денисова. Очень многое. Знаю про того юриста из Анапы. И знаю, что сейчас ваш отец собирается сделать больно Алине. Не вам — ей. Потому что бить по слабым местам он умеет лучше всего.

Лев нахмурился.

— Вы говорите так уверенно, словно были рядом.

— Иногда достаточно много лет сидеть за соседней дверью, — тихо сказала она. — Я не видела всего своими глазами, но видела письма, счета, распоряжения. Видела людей, которые приходили уверенными, а уходили сломленными. И с каждым годом понимала всё больше.

Она замолчала, будто решая, не сказала ли лишнего.

— Возможно, когда-нибудь мне придётся рассказать вам гораздо больше. Но сейчас просто поверьте — Алина в опасности.

— Каким образом?

— Через её отца. — Она говорила спокойно, но в голосе слышалась тревога. — Старые документы, старые проверки... всё это можно поднять. Или создать повод. У вашего отца много рычагов.

Лев побледнел. Он понимал, на что способен отец в бизнесе, но одно дело — жёсткие переговоры, и совсем другое — давить на людей через их семьи.

— Спасибо, Зинаида Павловна. Я разберусь.

— Будьте осторожны. Ваш отец не проигрывает. Он просто уничтожает тех, кто против.

Она вышла, тихо прикрыв дверь, и тишина кабинета стала вдруг слишком громкой.

Через минуту он позвонил Алине.

— У нас проблемы, — сказал он без предисловий. — Мой отец нанял детектива. Будет давить на твоего отца. Через старые документы или что-то ещё.

— Я знаю, — спокойно ответила она. — Мне уже позвонили. Сказали, что если я не прекращу с тобой встречаться, то Ким Денисов поедет знакомиться со следователями.

Лев сжал телефон.

— Кто звонил?

— Не представился. Но голос из вашей конторы. Старый, властный. Не твой отец, но его правая рука. Тот, с родинкой на щеке. Геннадий Павлович?

— Верно.

Он почувствовал, как внутри поднимается холодная волна — не страха, а ярости.

— Что ты ответила?

— Сказала, что подумаю.

— А на самом деле?

— А на самом деле, — Алина перешла на шёпот, — я уже отправила копии всех документов своему адвокату в Москву. Если с моим отцом что-то случится, они уйдут в прокуратуру и в три крупных издания.

Лев замолчал. Несколько секунд он молчал.

Он вдруг ясно представил Алину не такой, какой привык видеть её за последние недели: смеющейся, упрямой, спорящей с ним на набережной, а другой — девочкой, которая когда-то смотрела, как рушится жизнь её семьи, и слишком рано поняла, что справедливость не приходит сама.

Наверное, именно поэтому она казалась сильнее многих мужчин, которых он встречал. Не потому, что не боялась, а потому, что давно научилась жить рядом со страхом.

Он не ожидал. Она оказалась не просто смелой — она оказалась стратегом.

— Ты рисковая.

— Меня так воспитали. Когда твоего отца разоряют на глазах, либо учишься бить на опережение, либо сдаёшься. Я выбрала первое.

Он смотрел в окно на море — после вчерашнего дождя небо расчистилось, и вода была бирюзовой, почти нереальной, — и думал о том, что впервые за много лет советуется не с отцом. И это оказалось одновременно пугающим и освобождающим.

Через три дня он предложил уехать из города. Подальше от отцовских ушей. Алина не спрашивала куда, просто сказала: «Хорошо».

Они ехали в горы. Дорога вилась между соснами, и воздух становился чище с каждым километром — холодный, звонкий, с запахом хвои и снега. Внизу остался Сочи — влажный, шумный, с его дождём и мокрым асфальтом, а здесь, наверху, была зима.

Машину Лев вёл молча, и Алина не мешала ему думать. Она смотрела в окно, на белые склоны, на вершины, теряющиеся в облаках. Раньше его жизнь казалась расписанной на годы вперёд: компания, сделки, место рядом с отцом. Раньше это называлось будущим, теперь — клеткой с открытой дверью, возле которой он стоял слишком долго.

Снег начал падать неожиданно. Не метелью, не бурей, просто воздух вдруг наполнился редкими белыми хлопьями, которые медленно кружились между соснами и растворялись на тёмных рукавах курток.

Они остановились возле смотровой площадки. Внизу лежала долина, огни посёлка мерцали сквозь лёгкую дымку, словно кто-то рассыпал по склону золотые искры.

Несколько минут они просто стояли рядом. Без разговоров, без необходимости что-то объяснять. В последние недели слов между ними было слишком много: правды, лжи, страха. Сегодня впервые хотелось тишины.

Алина подняла лицо к небу. Ветер бросил ей в лицо горсть снега, она зажмурилась и засмеялась — коротко, по-детски, будто на миг забыла обо всём.

Лев улыбнулся.

— Что?

Она повернулась к нему.

— Ты улыбаешься.

— Разве это преступление?

— Для тебя — редкость.

Он хотел возразить, но вдруг понял, что она права. Рядом с ней он действительно стал улыбаться чаще, словно жизнь постепенно возвращала ему что-то утраченное. Что-то очень важное.

— Спасибо, — неожиданно сказал он.

Алина нахмурилась.

— За что?

— За то, что появилась.

Она замерла. Совсем ненадолго, но этого мгновения хватило, чтобы сердце вдруг ударило сильнее. В её глазах промелькнуло что-то незащищенное — то, что она обычно тщательно прятала.

— Осторожнее, Горский.

— Почему?

— Такие слова опасны.

— Для кого?

Она усмехнулась. Грустно. Почти нежно.

— Для женщин.

Лев смотрел на неё и впервые за долгое время не думал ни о документах, ни об отце, ни о будущем. Только о том, как ветер перебирает её волосы, как розовеют от мороза щёки, как блестят глаза. Он вдруг поймал себя на странном желании — запомнить её именно такой. Сейчас. Навсегда.

Алина опустила взгляд, будто тоже почувствовала, как изменился воздух между ними. Тихо. Незаметно. Но необратимо.

— На меня так не смотрят, — сказала она почти шёпотом.

— Как?

— Будто я что-то хорошее в этой жизни.

У Льва болезненно сжалось сердце. Он сделал шаг ближе — совсем небольшой, но теперь между ними оставалось меньше вытянутой руки.

— А если это правда?

Она подняла глаза, и мир вокруг словно исчез. Остались только снежинки, её дыхание и расстояние, которое вдруг стало невозможно большим и невозможно маленьким одновременно.

Лев медленно поднял руку и убрал с её щеки прядь волос, выбившуюся из-под шапки. Пальцы едва коснулись кожи. Тёплой. Живой.

Алина не отстранилась, только задержала дыхание. И именно в этот момент где-то внизу резко посигналил автомобиль — громко, совершенно не вовремя, будто сама судьба решила дать им ещё немного времени.

Алина первой пришла в себя. Отступила на шаг, поправила шарф, спрятала взгляд.

— Пойдём.

— Пойдём.

Они двинулись дальше по заснеженной дорожке, но теперь оба понимали то, чего ещё не произнесли вслух.

И именно тогда он сказал:

— Я хочу выйти из семейного бизнеса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.